

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ

УДК 343.791
ББК 67.408

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ (БАНКРОТСТВОМ) В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А. А. Коренная

Алтайский государственный университет, Барнаул

Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) был подписан 29 мая 2014 г. в Астане президентами России, Белоруссии и Казахстана. Он вступил в силу 1 января 2015 г. В настоящее время пять государств-участниц Евразийского экономического союза, помимо обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, поставили целью проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Несостоятельность, будучи объективным экономическим явлением, характеризующаяся острым конфликтом интересов участников, нуждается в эффективной системе охраны, в том числе, уголовно-правовой. В настоящей работе автор анализирует действующие уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления в сфере несостоятельности (банкротства) в России, Казахстане, Белоруссии, Армении и Кыргызстане. На основе общего исторического и теоретического развития уголовного законодательства в постсоветском пространстве, отраженного в Модельном Уголовном кодексе стран-участниц СНГ, автор выделяет особенности уголовно-правовых норм, сформировавшиеся в период самостоятельного законотворчества всех государств. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что возможности унификации уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере несостоятельности (банкротства) для союзных государств не утрачены. Такая интеграция должна стать одним из приоритетных направлений совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, уголовная ответственность, криминальные банкротства, несостоятельность, банкротство, неплатежеспособность.

CRIMINAL LAW PROTECTION OF RELATIONS ARISING IN CONNECTION WITH INSOLVENCY (BANKRUPTCY) IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

A. A. Korennaya

Altai State University, Barnaul

The Treaty on the Eurasian Economic Union (EAEU) was signed on May 29, 2014 in Astana by the Presidents of Russia, Belarus and Kazakhstan. It came into force on January 1, 2015. Currently, the five member States of the Eurasian Economic Union, in addition to ensuring the freedom of movement of goods, services, capital and labor, have set the goal of conducting a coordinated, coordinated or unified

policy in economic sectors. Insolvency, being an objective economic phenomenon characterized by an acute conflict of interests of participants, needs an effective system of protection, including criminal law. In this paper, the author analyzes the current criminal law norms on liability for crimes in the field of insolvency (bankruptcy) in Russia, Kazakhstan, Belarus, Armenia and Kyrgyzstan. On the basis of the general historical and theoretical development of criminal legislation in the post-Soviet space, reflected in the Model Criminal Code of the CIS member states, the author highlights the features of criminal law norms formed during the period of independent lawmaking of all states. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the possibilities of unification of criminal legislation on liability for crimes in the field of non-property (bankruptcy) for the Union states have not been lost. Such integration should become one of the priority areas for improving criminal legislation.

Keywords: Eurasian Economic Union, criminal liability, criminal bankruptcies, insolvency, bankruptcy, insolvency.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)4.9](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)4.9)

Сфера несостоятельности (банкротства) представляет собой сложный экономико-правовой механизм по внешнему регулированию и управлению финансово-экономическими конфликтами между должниками, их денежными кредиторами, государством в лице уполномоченных органов, который находит свое отражение в комплексном правовом институте несостоятельности (банкротства), имеющем межотраслевой характер [1, с. 13] и специфическую правовую и экономическую природу. Обеспечение баланса интересов в рамках отношений несостоятельности осуществляется законодателем с помощью различных средств, в том числе путем публично-правового воздействия на процесс реализации прав и законных интересов участников, что предопределяет комплексный характер института несостоятельности (банкротства) и находит свое отражение в материалах судебной практики [2–5]. Публично-правовые механизмы охраны отношений, возникающие в связи с несостоятельностью кредитора, устанавливаются в уголовном законе как крайние меры при наиболее опасных правонарушениях.

Уголовное законодательство постсоветских республик традиционно характеризуется исторической и теоретической общностью уголовно-правовой системы охраны общественных отношений [6, с. 109]. Основы уголовного законодательства были заложены в Модельном Уголовном кодексе для государств-участников СНГ, который был принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. [7]. На основе Модельного кодекса разрабатывались и принимались уголовные кодексы стран-участниц Союза. Уголовная ответственность за преступления в сфере несостоятельности (банкротства) установлена в трех статьях Модельного Уголовного кодекса: ст. 261 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 262 «Злостное банкротство» и ст. 263 «Фиктивное банкротство».

Перечисленные деяния мы классифицируем следующим образом:

- 1) деяния, направленные на умышленное, противоправное возникновение неплатежеспособности (злостное банкротство);
- 2) деяния, направленные на ухудшение экономического положения объективно несостоятельного должника;
- 3) деяния, затрудняющие производство по делу о несостоятельности (неправомерные действия при банкротстве);
- 4) деяния, направленные на создание фикции неплатёжеспособности, появление фиктивных признаков несостоятельности (фиктивное банкротство).

Аналогичная модель уголовно-правовой охраны отношений несостоятельности (банкротства) была воспроизведена в Уголовном кодексе РФ 1996 г.: ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство», ст. 197 «Фиктивное банкротство». Несмотря на многочисленные изменения, вносимые в уголовный закон РФ, в том числе в перечисленные нормы, устанавливающие ответственность за преступления в сфере несостоятельности «банкротства», принципиальных изменений модель уголовно-правовой охраны рассматриваемых отношений не претерпела.

Уголовное законодательство бывших советских республик первоначально также основывалось на Модельном Уголовном кодексе, однако в дальнейшем значительно изменялось, в том числе в части установления ответственности за преступления, связанные с несостоятельностью (банкротством) [8, 9]. Объединение пяти государств в рамках Евразийского экономического союза вновь актуализирует вопросы систематизации и унификации законодательств для стран-участниц. Первым этапом подобной унификации, безусловно, является изучение действующей системы уголовно-правовой охраны тех или иных отношений, в настоящем случае отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве) должника.

В действующем Уголовном кодексе Кыргызской республики, принятом 22 декабря 2016 г. и введенным в действие с 1 января 2019 г. в соответствии с Законом от 24 января 2017 г. № 10 [10], уголовная ответственность за преступления, связанные с несостоятельностью (банкротством), не установлена, самостоятельных составов преступлений, в которых установлена ответственность за какие-либо деяния, совершаемые при банкротстве должника, нет.

В уголовных законах Беларуси, Армении и Казахстана предусмотрены нормы об ответственности за преступления, совершаемые при банкротстве должника или в связи с таким банкротством. Сохранив общую модель уголовно-правовой охраны, признаки составов существенно различаются для стран-участниц Евразийского экономического союза.

Далее рассмотрим уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за рассматриваемые преступления, выделим общие черты, а также различия, с установлением содержания таких различий и выделением наиболее эффективных уголовно-правовых запретов.

1. Первая группа деяний — деяния, влекущие за собой неплатежеспособность должника. В Уголовном кодексе РФ ответственность за умышленное ухудшение финансового состояния установлена в ст. 196: преднамеренное банкротство, т. е. совершение действий (бездействие), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

В Уголовном кодексе Казахстана от 3 июля 2014 г. [11] ответственность за преднамеренное банкротство установлена в ст. 238. Несмотря на тождественное с российским уголовным законом наименование, по содержанию в ст. 238 Уголовного кодекса Казахстана установлена ответственность за иные деяния. По уголовному закону Казахстана преднамеренное банкротство представляет собой действия учредителя (участника), должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, а равно индивидуального предпринимателя, совершенные в личных интересах или интересах иных лиц с целью уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами путем отчуждения или сокрытия имущества в течение трех лет до признания банкротом юридического лица или индивидуального предпринимателя, причинившие крупный ущерб. По содержанию норма о преднамеренном банкротстве относится к гибридным нормам: в ней установлена ответственность за деяния, ухудшающие финансовое положение должника (отчуждение и сокрытие имущества в установленный срок), несостоятельность не является прямым следствием совершения перечисленных действий (во всяком случае на это нет указания в тексте уголовно-правовой нормы), однако банкротство должника, совершившего перечисленные действия, не является объективным.

Ответственность за доведение лица до неплатежеспособности установлена в ст. 239 Уголовного кодекса Казахстана. Ответственность установлена за сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, месте нахождения либо иной информации об имуществе, передача имущества в иное владение, отчуждение или уничтожение имущества, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерской и (или) учетной документации либо иных документов, отражающих экономическую деятельность, если эти действия (бездействия) совершены учредителем (участником), должностным лицом, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, органами юридического лица, а равно индивидуальным предпринимателем, приведшие к неплатежеспособности, повлекшей крупный ущерб. Ответственность установлена за более широкий круг деяний, нежели в ст. 238, неплатежеспособность является прямым следствием указанных деяний.

При установлении ответственности за доведение до неплатежеспособности казахский законодатель, в отличие от российского, перечисляет конкретные деяния, в результате которых лицо становится неплатежеспособным. По нашему мнению, подход российского законодателя к установлению ответственности за умышленное (преднамеренное) банкротство является предпочтительным. Общественная опасность преднамеренного банкротства (доведения лица до банкротства) заключается в неправомерном использовании правовых механизмов, установленных в специальном законодательстве о банкротстве, для освобождения от долгов. Механизм причинения вреда кредиторам обусловлен применением реабилитационных или ликвидационных процедур, применяемых в деле о банкротстве. В этой связи конкретные способы (сделки, действия), в результате которых у лица возникло состояние неплатежеспособности, не имеют решающего значения для привлечения к уголовной ответственности. Указанная позиция нашла свое отражение в научном проекте Уголовного кодекса РФ, в котором под преднамеренным банкротством предложено понимать совершение действий (бездействий), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина в полном объеме удовлетворить требования кредиторов или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [12, с. 164].

В Уголовном кодексе Казахстана законодатель использует более корректный термин: неплатежеспособность, а не банкротство. Использование термина «банкротство» в российском уголовном законе порождает вопрос о соотношении арбитражного производства и принятия соответствующего решения в Арбитражном суде и производства по уголовному делу. Так, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — Закон о банкротстве) несостоятельность (банкротство) — признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [13]. Соответственно, банкротство — это экономическое состояние необратимой неплатежеспособности, подтвержденное решением Арбитражного суда, или имеющее место при завершении внесудебной процедуры банкротства. В этой связи высказывается мнение о невозможности завершения расследования уголовного дела на более ранних процедурах, применяемых в деле о банкротстве (реструктуризация долга, наблюдение, внешнее управление, финансовое оздоровление). Неплатежеспособность в соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве — это прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. В этой связи представляется и в российском уголовном законе также использовать термин неплатежеспособность, а не банкротство, что позволит снять любые сомнения в возможности рассмотрения уголовного дела на любом этапе производства по делу о несостоятельности в Арбитражном суде.

Квалифицирующим признаком для двух составов преступлений (ст. 238 и ст. 239) в Уголовном кодексе Казахстана указано на совершение деяния специальным субъектом в отношении особой категории должников руководящим работником финансовой организации, банковского и (или) страхового холдинга, крупным участником (крупным акционером) — физическим лицом, руководителем, членом органа управления, руководителем, членом исполнительного органа, главным бухгалтером крупного участника (крупного акционера) — юридического лица финансовой организации. По нашему мнению, и в российский уголовный закон следует внести изменения о повышенной ответственности при совершении преступления в отношении отдельных категорий должников. Руководствоваться в данном случае необходимо Законом о банкротстве, устанавливающим особые требования для банкротства отдельных категорий должников. Квалифицированные составы преднамеренного банкротства и неправомерных действий при банкротстве необходимо установить для следующих категорий должников: кредитные организации, профессиональные участники рынка ценных бумаг, специализированные общества и ипотечные агенты, градообразующие предприятия, сельскохозяйственные организации, стратегические предприятия и организации, застройщики.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. [14] в ст. 240 установлена ответственность за преднамеренную экономическую несостоятельность (банкротство), под которой понимается умышленное создание или увеличение неплатежеспособности индивидуального предпринимателя

или юридического лица, совершенное этим индивидуальным предпринимателем или должностным лицом, учредителем (участником) либо собственником имущества этого юридического лица в личных интересах или в интересах иных лиц и повлекшие причинение ущерба в крупном размере. Редакция ст. 240 повторяет редакцию ст. 196 Уголовного кодекса РФ до изменений, внесенных Федеральным законом от 19.12.2005 № 161-ФЗ [15], устанавливающей ответственность в том числе за увеличение неплатежеспособности должника. Представляется, что действующая редакция ст. 196 Уголовного кодекса РФ является наиболее корректной с точки зрения как формы, так и содержания. Преднамеренное банкротство — это совершение действий, а равно бездействий, следствием которых является юридически значимое банкротство должника. Увеличение неплатежеспособности по своему содержанию является деянием, ухудшающим экономическое положение должника, ответственность за которое предусмотрена в ст. 195 Уголовного кодекса РФ.

Ответственность за преднамеренное банкротство установлена в ст. 193 Уголовного кодекса Армении. Под преднамеренным банкротством понимается умышленное создание признаков неплатежеспособности или увеличение их размера учредителями (участниками) должника или иными лицами, способными давать ему обязательные для исполнения указания или предопределять его решения, в том числе руководителем должника, а равно индивидуальным предпринимателем, совершенное в собственных интересах или интересах иных лиц, если при этом должнику или кредиторам причинен крупный ущерб. Таким образом, в Уголовном кодексе Армении так же, как и в Уголовном кодексе Республики Беларусь, предусмотрена ответственность не только за банкротство, наступившее в результате противоправных действий, но и за ухудшение финансового положения должника. Стоит отметить, что терминология в уголовном законе Армении, указывающая на возникновение признаков неплатежеспособности, а не на банкротство, является верной и соответствующей нормам специального законодательства при банкротстве, поэтому может быть воспринята российским законодателем при реформировании отечественного уголовного закона об ответственности за преднамеренное банкротство.

2. Деяниями, ухудшающими экономическое положение должника, являются неправомерные действия при банкротстве. В российском уголовном праве ответственность за такие действия установлена в ч. 1 и ч. 3 ст. 195 Уголовного кодекса РФ.

В ч. 1 установлена ответственность за сокрытие имущества, имущественных прав и обязанностей, сведений и иной информации об имуществе, отчуждение и уничтожение имущества, передача имущества в иное владение, а равно уничтожение и фальсификация документов. Предметом преступления являются: имущество, имущественное право, имущественная обязанность, сведения об имуществе, иная информация об имуществе, бухгалтерские документы, документы, отражающие экономическую деятельность юридического лица. В ч. 2 установлена ответственность за неправомерное удовлетворение требований кредиторов. Все деяния являются преступными в случае причинения крупного ущерба кредиторам.

Ответственность за неправомерные действия в отношении несостоятельного должника установлена в ст. 237 Уголовного кодекса Казахстана — неправомерные действия при реабилитации и банкротстве. Ответственность установлена за сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, его размере, месте нахождения либо иной информации об имуществе, передача имущества в иное владение, отчуждение или уничтожение имущества, а равно сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерской и (или) учетной документации либо иных документов, отражающих экономическую деятельность, если эти действия совершены индивидуальным предпринимателем, учредителем (участником), лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, должностным лицом, а равно временным, банкротным или реабилитационным управляющим при реабилитации и банкротстве и причинили крупный ущерб. По содержанию нормы ст. 195 ч. 1 и ч. 1 ст. 237 Уголовного кодекса Казахстана схожи, очевидно, прослеживается преемственность с Модельным Уголовным кодексом, однако ответственность установлена не только за совершение преступлений при банкротстве, но и введении иных процедур, применяемых в деле о банкротстве, в данном случае — реструктуризации долга. Представляется, что в условиях реформирования законодательства о банкротстве, дифференциации понятий «несостоятельность», применяемое в процедурах реабилитации должника (реструктуризации долга), и «банкротства», применяемое в процедурах конкурсного производства и реализации имущества гражданина, потребуются соответствующие изменения в уголовный закон [16]. В противном случае норма ст. 195 Уголовного

кодекса РФ будет иметь крайне ограниченное действие и применяться только в отношении должника ликвидационных процедур.

В ч. 2 ст. 237 Уголовного кодекса Казахстана установлена ответственность за неправомерное удовлетворение требований кредиторов, причинившее крупный ущерб. Нормы о неправомерном удовлетворении требований кредиторов в уголовном законодательстве России и Казахстана схожи, за исключением того, что в соответствии со ст. 237 Уголовного кодекса Казахстана субъект преступления — специальный.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь ответственность за деяния, ухудшающие экономическое положение должника, установлена в ст. 241 «Препятствование возмещению убытков кредиторам». Под угрозой уголовного наказания запрещены следующие деяния: сокрытие, отчуждение, повреждение или уничтожение имущества индивидуального предпринимателя или юридического лица, неплатежеспособность которых имеет или приобретает устойчивый характер, с целью сорвать или уменьшить возмещение убытков кредиторам (кредиторам), совершенные этим индивидуальным предпринимателем или должностным лицом, учредителем (участником) либо собственником имущества этого юридического лица, повлекшие причинение ущерба кредиторам (кредиторам) в крупном размере. По признакам объективной стороны деяние схоже с предусмотренным в ст. 195 Уголовного кодекса РФ, однако уголовно-наказуемо только совершение преступления при наличии цели срыва выплаты кредиторам либо уменьшения такой выплаты. Представляется, что при банкротстве общественной опасностью, достаточной для криминализации деяния, обладают любые действия, при которых финансовое положение должника ухудшается, а кредиторы вследствие этого лишаются возможности получения должного в полной мере, как было бы при отсутствии преступного деяния. В этой связи указание на цель совершения сокрытия, отчуждения, передачи во владение при наличии признаков банкротства (устойчивой несостоятельности) представляется излишним. Ответственность за иные действия, ухудшающие экономическое положение должника, в Уголовном кодексе Республики Беларусь не установлена.

Неправомерные действия при банкротстве криминализованы в ст. 192 Уголовного кодекса Армении: в ч. 1 установлена ответственность за сокрытие имущества или имущественных прав, сведений об имуществе, его размере, местонахождении или иных сведений, передача имущества в иное владение без законного основания, уничтожение имущества либо его отчуждение на заведомо невыгодных условиях, а также сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных документов, отражающих хозяйственную деятельность должника, если эти действия совершены руководителем юридического лица, являющегося должником, или его учредителями (участниками) или иными лицами, способными давать ему обязательные для исполнения указания или предопределять его решения, либо совершены индивидуальным предпринимателем, являющимся должником, при банкротстве или в предвидении возможного банкротства и если при этом должнику или кредиторам причинен крупный ущерб; в ч. 2 за удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов заведомо в ущерб другим кредиторам, руководителем юридического лица, являющегося должником, или его учредителями (участниками), или иными лицами, способными давать ему обязательные для исполнения указания или предопределять его решения, либо индивидуальным предпринимателем, являющимся должником, знающими о своей фактической неплатежеспособности, а равно принятие такого удовлетворения кредитором, если последний знал об отданном ему предпочтении несостоятельным должником в ущерб другим кредиторам и если при этом должнику или кредиторам причинен крупный ущерб. Представляется, что действующая редакция ч. 2 ст. 195 Уголовного кодекса РФ, в которой исключена ответственность за принятие удовлетворения кредитором в нарушение очередности, является предпочтительной. Кредитор во всяком случае получает должное, даже в нарушении порядка, установленного законом, что, по нашему мнению, исключает уголовную ответственность.

3. Деяния, затрудняющие производство по делу о несостоятельности. Ответственность за подобные деяния установлена в ч. 3 ст. 195 Уголовного кодекса РФ. Выражаются такие деяния в воспрепятствовании законной деятельности управляющего, в том числе путем уклонения или отказа от передачи документов.

В уголовных кодексах стран-участниц Евразийского экономического союза ответственность за подобные деяния не предусмотрена.

4. Деяния, направленные на создание фикции неплатежеспособности, появление фиктивных признаков несостоятельности (фиктивное банкротство). В Уголовном кодексе РФ ответственность за подобные деяния установлена в ст. 197. По официальным данным судебной статистики за последние годы к ответственности по ст. 197 Уголовного кодекса РФ не было привлечено ни одного лица. В научной литературе неоднократно указывалось, что норма о фиктивном банкротстве является «мертворожденной», ее применение на практике невозможно в связи с изменениями специального законодательства о несостоятельности. Однако до настоящего времени фиктивное банкротство не декриминализовано.

Напротив, в Уголовном кодексе Казахстана норма о фиктивном банкротстве (ст. 240) исключена в соответствии с Законом РК от 27.12.19 № 290-VI.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь традиции Модельного Уголовного кодекса сохранены, в ст. 238 установлена ответственность за ложную экономическую несостоятельность (банкротство), которая заключается в подаче индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в суд, рассматривающий экономические дела, заявления должника о своей экономической несостоятельности (банкротстве), иных документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, в целях признания этого должника экономически несостоятельным (банкротом).

Ответственность за схожие действия установлена в ст. 194 Уголовного кодекса Армении (фиктивное банкротство).

Подводя итог, укажем на следующее: уголовная ответственность за преступления, связанные с несостоятельностью (банкротством), на постсоветском пространстве формировалась на основе общей теоретической базы и общего исторического развития, однако по прошествии времени нормы уголовного закона были существенно изменены. В условиях интеграции в рамках единого экономического пространства Евразийского союза при реформировании уголовного законодательства об ответственности за экономические преступления, необходимо вырабатывать единые подходы к установлению преступности и наказуемости деяния, учитывая положительный и отрицательный опыт соседних государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белых В. С. Концепция банкротства: законодательная модель и реальность // Российский юридический журнал. 1995. № 3.
2. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.06.2017 № Ф02–2118/2017, Ф02–2511/2017 по делу № А33–25084/2016.
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.03.2019 N Ф04–292/2019 по делу № А46–20567/2017.
4. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.03.2012 по делу № А44–355/2007.
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.06.2018 № Ф09–3952/18 по делу № А60–41832/2017.
6. Зацепин А. М. Ответственность за неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве государств — участниц СНГ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1.
7. Модельный Уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (с изменениями на 16 ноября 2006 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 11.11.21).
8. Иванцова Н. В. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ и уголовное законодательство Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 6.
9. Волженкин Б. В. Модельный Уголовный кодекс и его влияние на формирование уголовного законодательства государств — участников содружества независимых государств // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии : сборник научных статей. М., 2002.
10. Уголовный кодекс Кыргызской республики, принятый 22 декабря 2016 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34350840 (дата обращения: 12.11.21).

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.07.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=4;—80&pos2=3580;—50 (дата обращения: 11.11.21).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов, под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2019.

13. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 28.10.

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 11.11.21).

15. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 19.12.2005 № 161-ФЗ // Российская газета. № 288. 22.12.2005.

16. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реформирования института банкротства) : Законопроект № 1172553–7. URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553–7](https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7) (дата обращения: 11.11.21).

УДК 347.72.032

ББК 67.404.013

ДОКТРИНА «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ»: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ СТРАН АЗИИ

Т. А. Филиппова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

М. В. Лицкас

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Авторы статьи ставили цель дать сравнительно-правовой анализ доктрины «снятия корпоративной вуали» в контексте законодательства и судебной практики Российской Федерации и некоторых азиатских стран (Китайская Народная Республика, Индийская Республика). В процессе изучения данной проблемы сделан вывод о наличии в иностранном законодательстве сходных с российскими норм о запрете использования правового статуса компании с целью злоупотребления правом, о запрете аффилированности, а также дискуссионной нормы о полной солидарной ответственности единственного учредителя общества с ограниченной ответственностью. Кроме того, сделан вывод о всё более широком использовании данной доктрины в стране нетипичной для неё правовой семьи — Китайской Народной Республике. На основе материалов судебной практики Индийской Республики предложена классификация данной доктрины по критерию цели злоупотребления: в случае ограниченного подхода ответственность на контролирующих лиц возлагается в случае изначально фиктивной цели создания юридического лица, а в случае неограниченного подхода — за любое недобросовестное действие с использованием конструкции ограниченной ответственности учредителя (участника) компании по её долгам.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративная вуаль, юридическое лицо, субсидиарная ответственность, солидарная ответственность.